

УДК 821.161.1
ББК 83

Ю.С. Безгина

**КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
А.В. ЗРАЖЕВСКОЙ
КАК ОТРАЖЕНИЕ
ЕЕ МИРООЩУЩЕНИЯ**

Статья посвящена анализу критических работ А.В. Зражевской с идейно-художественной точки зрения. Проведенное исследование позволяет значительно расширить проблематику ее произведений и отразить критические взгляды писательницы на такие актуальные для ее времени вопросы, как: проблема женского творчества, состояние русской литературы, самобытная русская культура и идея народности, воспитание и роль женщины в современном обществе. Статья «О чтении романов» вводится в сферу научного интереса впервые.

Ключевые слова: *критика, женская литература, народность, образ русской женщины, русская душа.*

Безгина Юлия Сергеевна – ассистент кафедры французского языка факультета иностранных языков, аспирант кафедры русской литературы Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова
Тел.: 8-908-491-12-84
E-mail: julia241083@rambler.ru

В 30 – 40-х гг. XIX в., период в развитии русской литературы, когда женщины активно входили в профессиональную литературную сферу, а в критике возникло понятие «женская литература», имя А.В. Зражевской фигурировало во многих журналах и упоминается почти во всех авторитетных словарях того времени – «Библиографический словарь русских писательниц» Н.И. Голицына (1889 г.), «Русский биографический словарь: Жабокритский – Зяловский» (1916 г.), «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» (1890 – 1907 гг.), «Наши писательницы» С.И. Пономарева (1891), «Библиографические материалы XVIII – XIX вв.» С.А. Венгерова, а благодаря ее переводам О. де Бальзака, Ш. Нодье, Эм. де Жирарден, Мирваля российский читатель приобщался к европейской литературе.

В то же время в издании С.И. Пономарева «Наши писательницы» (1891) она не была отнесена к ряду писательниц, «*исчисленных в словаре кн. Голицына Н.И. <...> самыми плодовитыми и разносторонними по своей деятельности*» [Пономарев, с. 12], что по сути своей несправедливо, учитывая, что она внесла значительный вклад в развитие литературы как своими оригинальными, так и переводными произведениями французских и английских авторов, став своего рода посредником между русской и европейской литературой, не говоря уже о ее вкладе в детскую литературу.

Диапазон ее литературного творчества необычайно широк – переводы, критика, публицистика,

проза, краеведение – Зражевская пробовала себя во многих направлениях литературы. Но, по замечанию И.Л. Савкиной, которая отводит Зражевской роль первой женщины-критика [Савкина, URL], истинным ее призванием была журналистика.

Основная цель представленного исследования состоит не столько в том, чтобы показать Зражевскую как одну из первых женщин-критиков 30 – 40-х гг. XIX в., сколько через призму ее работ отразить многогранность ее мировосприятия, ограниченного в современном литературоведении узким кругом вопросов, касающихся женского творчества и состояния русской литературы на тот период времени.

К периодической печати Зражевская обратилась, испытывая денежные трудности и не имея средств для своих новых изданий. Печаталась она много и часто. В 1836 г. Зражевская работает в «Сыне Отечества», в 1838 г. в «Библиотеке для Чтения», а с 1840 г. становится постоянной сотрудницей журнала «Маяк», издателем которого был муж ее сестры Елизаветы Васильевны Степан Онисимович Бурачек. Работала Александра Васильевна и в журнале «Москвитянин», где была напечатана часть ее статей и, по мнению исследователей [Файнштейн, с. 136], отрывки из неопубликованного последнего романа «Женский век», рукопись которого предположительно была сожжена – «Женщина, поэт и автор» (Москвитянин, 1842, ч. 5, № 9) и «Девушка – поэт» (Москвитянин, 1844, ч. 1, № 2). По большей части это были публицистические статьи – критическая статья на книгу О.П. Шишкиной «Князь Скопин-Шуйский» (Маяк, 1842, т. 1, кн. 2), рецензия на роман М.Н. Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев» (Маяк, 1842, т. 3, кн. 5), «Нечто о пользе старорусских соляных источников» (Москвитянин, 1843, ч. 3, № 5), «Краткие медико-топографические сведения о старорусских соляных источниках» (Маяк, 1843 г., т. 8), «О чтении романов» (Москвитянин, 1843, ч. 1, № 2), «Женщина, поэт и автор» (Москвитянин, 1842, ч. 5, № 9), «Девушка – поэт» (Москвитянин, 1844, ч. 1, № 2), «Зверинец» (Маяк, 1842, т. 1) – ставшие для Зражевской способом выражения ее культурно-эстетических и общественных взглядов.

Несмотря на то что А.В. Зражевская была не единственной писательницей, поднимавшей вопрос женского творчества в своих произведениях (проблема «женщины-автора» активно обсуждалась в произведениях К. Павловой, Е. Ган и др.), она, тем не менее, была одной из первых, осмелившихся вступить в полемику с доминирующим классом мужчин-литераторов. Несмотря на возрастающую женскую активность в связи с событиями во Франции в конце XVIII столетия и рождением женской литературы, которая стала знаковым культурологическим явлением XIX в., А.В. Зражевская все же несколько опередила свое время, озвучив в своих критических статьях начала 40-х гг. XIX в. некоторые актуальные и на сегодняшний день идеи, получившие свое воплощение десятилетие спустя после заката ее творческой деятельности.

Для анализа были отобраны три произведения Зражевской, написанных в художественно-публицистическом жанре, – нравоучитель-

ный очерк «О чтении романов», освещаемый впервые; очерк-памфлет «Зверинец» и критическая статья на повесть О.П. Шишкиной «Князь Скопин-Шуйский», в которых она максимально отразила свою точку зрения на состояние русской литературы в целом и на женское творчество в частности, на самобытную русскую культуру и на воспитание и роль женщины.

Изучением творческого наследия Зражевской занимались такие отечественные и зарубежные исследователи, как И.Л. Савкина, Н.Л. Пушкарева, М.Ш. Файнштейн, Diana Greene, но, надо заметить, что в большинстве случаев анализ публицистических статей писательницы, равно как и ее романов, ограничивался гендерным подходом, несмотря на то что проблема женского авторства была не единственным вопросом, поднятым в работах Александры Васильевны.

Научная новизна работы заключается в более глубоком, идейно-художественном исследовании приведенных критических статей Зражевской и введении в сферу научного интереса очерка «О чтении романов», ранее не привлекавшегося к изучению.

Вышеуказанные статьи были написаны в период с 1842 по 1843 г., когда писательница уже год проживала в Старой Руссе, месте ее «добровольной ссылки». Здесь она проходила лечение и, испытывая постоянную нужду в деньгах, продолжала литературную деятельность, высказывая в своих произведениях слишком смелые идеи, которые могли быть расценены как опасные в эпоху «чугунной» цензуры Николая I и откровенно отрицательного отношения к французской литературе.

Объединенные общей проблематикой, статьи Зражевской отражают критические взгляды писательницы на такие актуальные для ее времени вопросы, как: право женщины участвовать в духовной и социальной жизни общества наравне с мужчинами; образ русской женщины как олицетворение русской души; ее социальные роли; идея народности; состояние русской литературы.

Несмотря на видимую общность тем, каждая из статей оригинальна по своей сути и отражает порой совершенно противоречивые взгляды Зражевской.

Обратимся к наиболее раннему по времени очерку-памфлету «Зверинец» (1842), подробно изученному И.Л. Савкиной [Савкина, 2000, с. 14 – 31] и М.Ш. Файнштейном. Савкина, на наш взгляд, рассматривает «Зверинец» односторонне, освещая подробно только вопрос женского творчества и помехи, возникающие на пути женщины-писательницы, не принимая во внимание актуальные проблемы русской литературы, которые волновали Зражевскую и о которых она пишет во второй части произведения, критикуя в аллегорической форме современных ей критиков. Файнштейн же, напротив, кратко, но более объективно рассмотрел вопросы, поднятые в «Зверинце», увидев в Зражевской не только женщину-писательницу, но и строгого критика, обличающего недостатки современной литературы.

Очерк представлен в популярной в литературной среде эпистолярной форме в виде двух писем к В.И. Бакуниной (от 28 июня 1836 г.), под руководством которой она осуществила свои первые литературные опыты, и поэтессе П.М. Бакуниной (от 10 октября 1841 г.). С Варварой Ивановной Бакуниной, мемуаристкой, литературно одаренной женщиной с разборчивым вкусом, были связаны самые теплые детские воспоминания Зражевской: *«Сколько лет прошло, как я осиротела без вас, – совершенно потеряла вас из виду, но не из сердца <...> я с восхищением вспоминаю блаженное время моего детства.»* [Зражевская, «Зверинец», с. 1]. По признанию самой Александры Васильевны, она оказала большое влияние на первые опыты юной писательницы.

Ценность первого письма состоит в том, что оно служит важным источником биографических сведений о Зражевской, предоставляя возможность проследить процесс воспитания и становления молодой писательницы в контексте её личной жизни и представленной исторической эпохи в целом, традиционный для большинства писательниц первой половины XIX в.: тяга к литературному творчеству (*«беспокойная страсть моя переводить бумагу, с самого детства меня не покидала»* [Там же, с. 2 – 3]); нарушение родительского запрета (*«меня бранили, смеялись, рвали в клочки и жгли мои произведения – но не исправили: эта страсть обратилась в природу»* [Там же, с. 2]); советы и предостережения мужского учителя – «цензора» (В.А. Жуковского в данном случае); учеба (*«училась дни и ночи, с завязанными глазами я опрометью мчалась вперед, не боясь ни камней, ни ям»* [Там же, с. 3]); самообразование; женская, сестринская поддержка (которой Зражевская так и не нашла среди своих современниц); трудности при выходе в *«мужской мир» литературной конкуренции»* [Савкина, URL]. Но, по наблюдению Савкиной, в краткой автобиографии Зражевской есть и оригинальные моменты, связанные со стремлением преодолеть уже сложившиеся в обществе стереотипы о женском писательстве. Во-первых, писательница подчеркивает собственную роль в выборе писательской судьбы: *«я создала себе другую судьбу»* [Зражевская, «Зверинец», с. 2], это не просто зов природы, хотя и сохраняется мотив благословения со стороны императрицы Марии Федоровны, которой она посвятила свой *«первый детский опыт»*. Во-вторых, творчество для Зражевской не откровение, а тяжелый, кропотливый труд. Кроме того, важную роль в становлении Зражевской как писательницы играют женщины. Это и В.И. Бакунина, привившая ей любовь к литературе, и императрица Мария Федоровна, давшая свое благословение на писательство, и ряд других писательниц, которых упоминает Зражевская в обеих частях «Зверинца». Важно, что со своими коллегами писательница не соревнуется, а сотрудничает [Савкина, 2000, с. 14 – 31].

Вторая часть очерка, представленная в виде письма к своей современнице, поэтессе П.М. Бакуниной, имеет подзаголовок «Сокращенный курс книжной зоологии» и, тем самым, объясняет необычное метафоричное название произведения. Если в первой части Зражевская

в форме открытого письма освещает собственную творческую судьбу, то во второй части, опираясь уже на собственный опыт, в аллегорической форме более детально описывает актуальные для любой начинающей женщины-писательницы проблемы: вопрос творческой индивидуальности, независимости от мужских образцов («...наши стихотворицы не занимались истинною поэзией, а шли избитою тропкою и передразнивали мужчин <...> Создайте нам повесть, драму, роман, на человеческом сердце <...> пусть не пожалеют наблюдательности, остроумия <...> а главное, тепла, души: пусть наберут побольше глубоких истин, метких ударов по заблуждению общества. Им – ли бояться общества? <...> Пусть все это вставят в романическую рамку <...> тогда, непременно <...> будут женскими Гёте, Шиллерами, Шекспирами <...> Только ради будущих успехов <...> не подражайте рабски никому» [Зражевская, «Зверинец», с. 5]); право женщины на духовное и социальное равноправие с мужчинами («дайте женщине школу, подчините ее с детских лет труду <...>, учредите женские университеты, кафедры и тогда посмотрите: дастся-ли женщине сильный и тонкий разум, основательность, гениальность, изобретательность и переносчивость трудов» [Там же, с. 10]); освобождение от стереотипных ролей женщины-хранительницы домашнего очага («...отвели нам особый удел: будуар, уборную, гостиную, поручили воспитание детей, домашний быт» [Там же, с. 14]) (но, в то же время, Зражевская противоречит самой себе, придерживаясь все-таки традиционных представлений о роли женщины, что нагляднее будет показано при рассмотрении критической статьи Шишкиной («нет, нет! я не настаиваю, чтоб непременно женщинам дали университет, кафедру <...> тогда они действительно потеряют все прекрасное женское <...> я говорю это так только в опровержение нашим гонителям» [Там же, с. 10]); внесение женщины в анналы истории («...не домогайся они с утра до ночи <...> местечка в истории – я была бы спокойное счастливейшее существо! Но когда мне устроили будуар, дали уборную, учредили гостиную <...> предложили власть, отличие, славу, собственным примером <...> пробудили во мне вкус к венку истории – и в то же время предоставили только пансион <...>, поверхностное и мелочное в жизни <...> чему же вы дивитесь, что мы вооружились <...> авторством. Все другое оружие вы у нас отобрали себе <...> чем же нам побеждать?» [Там же, с. 22]) и т.д. Кроме того, И.Л. Савкина, обращая внимание на выбранную Зражевской форму переписки, к которой она не раз прибегает в своих романах, наличие женщин в качестве адресатов ее писем и многочисленные упоминания писательниц, отмечает присутствие в «Зверинце» идеи сплоченности, выделения всех женщин-писательниц в отдельный класс [Савкина, URL].

Но Зражевская не ограничивается только женским вопросом. В индизаторной форме, сравнивая литературную среду со «зверинцем», она выражает довольно смелые на тот период времени суждения о состоянии русской литературы в начале 40-х гг. XIX в., «задыхающейся в тисках «словесных» торговцев – триумвирата Булгарин – Греч – Сен-

ковский» [Файнштейн, с. 136]. Среди причин «литературной болезни» Зражевская выделяет, прежде всего, «*педантство, резонерство, фразерство*» [Зражевская, «Зверинец», с. 14 – 18], аллегорически представляя их в виде зверьков особой породы, мешающих плодотворному развитию русской литературы. Писательница обозначает также целый «*реестр патриархатных предрассудков*» [Савкина, URL]: противоестественность писательства для женщины («*Что может сочинить девушка? о каких страстях заговорит она? – всякий укажет на нее, прибавляя: – видно испытала это, мало, если подумала*» [Зражевская, «Зверинец», с. 8]); усмотрение в природе, а не в воспитании женщины «*невозможность сделаться Ньютонами, Декартами, Паскалями, Юмами...*» [Там же, с. 10] и, соответственно, наличие ряда мер, чтобы «*унять неумолимых писательниц: это – не давать хода их созданиям; талант гложет в пыли и пропадает без вести...*» [Там же, с. 13]. Благодаря именно этому очерку за Зражевской закрепилась репутация «литературной мятежницы».

Две другие статьи – нравоучительный очерк «О чтении романов» (1843) и критическую статью на книгу О.П. Шишкиной «Князь Скопин-Шуйский» (1842) – объединяет общность идей народности и самобытности русской литературной традиции, идей духовности, образа русской женщины, отражающих прогрессивные направления общественной мысли 30-40-х гг. XIX в.

Зражевская была далеко не первой, кто поднимал тему народности в литературе. Еще в середине 1820-х гг. А.С. Пушкин в статье «Народность в литературе» отмечал, что «*народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком <...> Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу*» [Пушкин, с. 40]. Подобные мысли были озвучены и П.А. Вяземским, и Н.В. Гоголем. Многие литераторы с особым вниманием стали относиться к отечественной истории, быту, фольклору, воссозданию жизни разных слоев населения.

После выхода в свет в 1836 г. «Философических писем» П.Я. Чаадаева, которые вызвали огромный общественный резонанс в связи с тем, что критиковали «теорию официальной народности», в рядах русской интеллигенции развернулись обширные дискуссии между западниками и славянофилами. В 1839 г. вышла статья Хомякова «О старом и новом», в которой он изложил теоретические основы славянофильства. Целый ряд писателей, печатавшихся в «Москвитянине» и «Северной пчеле», в «Московских сборниках» и «Сборнике исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных», активно отстаивали принципы славянофилов.

К идее народности критики и философы обращались и в последующее десятилетие: В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, который в своей

знаменитой статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) понимал под народностью сближение писателя с народом и выражение в литературном произведении его интересов. Идея народности как следования допетровским традициям заняла практически центральное место в творчестве Аполлона Григорьева.

В статьях Зражевской идея народности имела более глубокий смысл, нежели предполагала популярная на тот период времени правительственная уваровская триада: «Православие, самодержавие, народность». Народность как центральное понятие в статьях писательницы выражалась, прежде всего, в своеобразии, оригинальности, неповторимости русской культуры, русского народа и чистоте русского языка.

Обе статьи имеют прямых адресатов: в первом случае адресатами выступают «любимицы щедрой природы, украшенные всеми дарами ея, добрые девицы» [Зражевская, «О чтении романов», с. 9], во втором – «господа критики» и «умные поэтические подруги» [Зражевская, «Русская народная повесть...», с. 217].

Рассмотрим идейно-художественное своеобразие критической статьи Зражевской на повесть О.П. Шишкиной «Князь Скопин-Шуйский».

Структура критического анализа, умело сделанного Зражевской, включает в себя две взаимосвязанные части: внутреннюю сторону повествования, где писательница отражает идейные основы повести, и внешнюю, событийную сторону, собственно повествование. Наибольший интерес для нас, несомненно, представляет проблематика произведения.

Отстаивая идеи народности («*Вера православная, Царь-помазанник и слово мудрое*»), с постоянной ссылкой на журнал «Маяк», Зражевская отмечает в качестве одной из отличительных черт XIX столетия литературную «мишурность», которая «*въелась во все: в словесность, ученость, промышленность, в образ жизни и действий...*» [Зражевская, «Русская народная повесть...», с. 143].

Видя причину «мишурности», опустошенности литературы во влиянии западного общества, отказавшегося от «философии, веры и от народности» («*Отсюда: все пороки <...> все гадости человечества, поступили в число "драгоценных" материалов, для изящных произведений. Все наши писатели поголовно не изучали философии собственною опытностью, а приняли на слово <...> западные эстетические законы из третьих и четвертых рук...*» [Там же, с. 144]), Зражевская выступает за чистоту русского, не европеизированного языка и русской культуры, в то же время оправдывая критиков, которые отдают дань времени и моде.

В своей критической статье Зражевская постоянно проводит параллель между французским и русским языками («*Душа французского языка – игра слов, остроумие, каламбур, ирония, вычурность, двусмыслие, софизм, мишура. Душа русского языка – ум-разум, искренность, теплота, правда и простота*» [Там же, с. 148]), отмечая при этом красоту «*чистых золотых русских стихов*» Пушкина; западным и русским романом; душой «*чужой*» и душой русской.

Анализируя влияние западного любовного романа на молодые умы, Зражевская поднимает сложную тему любви, противопоставляя «истинную, высокую любовь, любовь Божью, и братолюбие» в русской культуре опустошающей плотской любви на манер французского романа. Зражевская с грустью признает нравственную деградацию русского общества (если раньше *«все были убеждены, что все любовное – нечистота и пагуба <...> а в случае падения считали его наваждением, мороком, болезнью, отравой – и лечились <...> Теперь многие, и слышать не хотят о лекарстве.»* [Зражевская, «Русская народная повесть...», с. 156]), в чем она близка своим современникам: Диккенсу, который говорил о «безрелигиозности XIX века» и Флоберу. В то же время она отмечает чистоту и тонкость женщин, не приемлющих страстные любовные похождения до брака, признавая, что *«чувственная, распалюющая любовь не есть назначение, а падение человека»* [Там же, с. 157].

Заслуга же автора повести О.П. Шишкиной состоит в понимании одной из глубочайших сторон русского народа – «презрение ко всему любовному», что отражено в еле заметном проявлении чувств главных героев до брака и нежной, чистой любви в супружестве.

Тема высокой любви напрямую связана в понимании Зражевской с образом русской женщины, чистейшим воплощением истинно русской души. Роль женщины – *«святые обязанности матери, супруги, возведенной до возможной чистоты, кротости и любезности»* [Там же, с. 154]. И здесь суждение Зражевской идет вразрез с мнением об освобождении женщин от стереотипных ролей, выраженным в «Зверинце». Зражевская, несмотря на темпераментные выступления в защиту женского авторства, все же придерживается традиционной точки зрения.

По мнению Зражевской, Россия, живая, добрая, порочная, разная, становится главным героем повести Шишкиной и олицетворяется с живыми деятелями. Многочисленные героини – не цель, а лишь средство выражения какой-либо отличительной черты России.

Примечательно в критической статье Зражевской то, что она принимает попытки сравнить исторический роман Вальтера Скотта, которому она вменяет в недостатки западную «мишурность», обилие подробных описаний характеров, декораций, свойственных английской литературе, описание лишь внешней стороны человека, его страстей, и историческую повесть Шишкиной, которая, отражая внешнюю и внутреннюю сторону характера, *«прямо изображает человека, и человека русского, каков он есть, с его добрыми качествами и порочными наклонностями, во всех его отношениях, видимых и невидимых, (но познаваемых верою) к Богу, природе и к родине»* [Зражевская, «Русская народная повесть...», с. 151]. Автору повести, по признанию критика, все же удалось избежать подражания великому писателю, чью гениальность признает Зражевская.

Помимо идей народности, Зражевская опять возвращается к теме женского творчества, обращаясь к женщинам-писательницам с призывом создать собственный журнал: *«...полно действовать нам вразброд;*

сберемся вместе все разом, завладеем одним каким-нибудь журналом – хоть Маяком <...> водрузим свое победоносное знамя на самой вершине его. На розовом поле нашего знамени вышьем золотыми буквами: русское народное слово в устах русских писательниц!» [Там же, с. 220].

Проблема влияния на молодое поколение европейского любовного романа с его пустыми страстями также нашла свое отражение в небольшом нравоучительном очерке «О чтении романов» (1843), в котором Зражевская, взяв на себя роль наставника юных созданий, продолжает отстаивать идею народности и предостерегает невинных девушек от пагубного воздействия легкой литературы, искажающей их нравственные представления о любви и браке, об отношениях между мужчиной и женщиной, об истинной роли женщины, которая должна быть, прежде всего, хорошей матерью и верной супругой: *«Вымышленные и <...> противные здравому рассудку и истинному вкусу происшествия <...> завлекают ваше пылкое воображение, и заманивают любопытство в необозримый лабиринт догадок, вздорных приключений, беспрестанно развязывающихся завязок <...> На каждом шагу, как детей, пугают вас призраками <...> или обливают без пощады горячими слезами, щедрою рукою льющимися из очей несчастных героев <...> Одним словом, роман подобен безмерному, обклеенному битыми стеклышками зданию, которое издали, вашей неопытности, приятно играя лучами воображения, обворожает чувства ваши – взгляните же в него в зрительную трубку рассудка, и очарование превратится в омерзение!»* [Зражевская, «О чтении романов», с. 10].

В противовес любовным романам Зражевская ставит на первый взгляд скучные философские нравоучительные сочинения, которые принесут только *«очищение от дрязга нелепых, бесполезных, а иногда и вредных сочинений»* [Там же, с. 13]. В то же время Зражевская не призывает девушек заниматься самообразованием, не направляет их на путь социальной и общественной независимости. Она лишь советует им чаще читать совершеннейшую из книг – свое сердце, считая наивысшим благом и залогом здорового потомства душевное здоровье: *«...добрые плоды происходят токмо от здоровых и неповрежденных корней!»* [Там же, с. 14].

Таким образом, проблематика критических работ Зражевской намного глубже и многограннее. Наши критики и литературоведы несколько умаляли значение творческого наследия писательницы, подходя к ней как к феминистке. Женский вопрос отражен в ее работах частично. Анализ критических работ Зражевской показал, что в сферу научных интересов включаются такие важные темы, как: образ русской женщины как олицетворение русской души; ее социальные роли; идея народности; состояние русской литературы, которые отражают культурно-эстетические и нравственно-общественные взгляды писательницы.

Литература

- Зражевская А.В.* Зверинец // Маяк. 1842. Т. 1, кн. 1, гл. 8.
- Зражевская А.В.* О чтении романов // Москвитянин. 1843. Ч. 1, № 2.
- Зражевская А.В.* Русская народная повесть. Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия / соч. О.П. Шишкиной // Маяк. 1842. Т. 1.
- Пономарев С.И.* Наши писательницы. СПб., 1891.
- Пушкин А.С.* О народности в литературе // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 11. М.; Л., 1949.
- Савкина И.Л.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30 – 40-х гг. XIX в.) [Электронный ресурс]. // Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_book.htm (дата обращения: 16.10.2011).
- Савкина И.Л.* Что значит быть женщиной-писательницей: модели «Я» в «Зверинце» Александры Зражевской // Женские и гендерные исследования. СПб., 2000. № 5.
- Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры (историко-литературные очерки). Л., 1989.